

Светлана Владимировна Василенко родилась в городе Капустин Яр Астраханской области. Окончила Литературный институт имени А.М. Горького и Высшие сценарные и режиссерские курсы при Госкино.

Первая публикация — рассказ «За сайгаками» («Литературная учеба», 1982). Критики отметили тогда этот рассказ как «лучшее произведение года». Печаталась в коллективных литературных сборниках, в журналах «Юность», «Знамя», «Новый мир», «Работница» и др.

Рассказы и романы переводились на многие иностранные языки и издавались за рубежом.

Лауреат различных литературных премий.

Член Русского ПЕН-клуба, Союза кинематографистов России (гильдия кинодраматургов), Союза журналистов России. С 1996 года первый секретарь Союза российских писателей.

Живет в Москве.

ДВЕНАДЦАТЬ ВОПРОСОВ ВАСИЛЕНКО

Беседа Михаила ПОПОВА

с первым секретарем Союза российских писателей

Светланой ВАСИЛЕНКО

Михаил Попов. Вообще-то я знаю, как было дело, но нашему читателю было бы интересно прочитать, как пришла в литературу прозаик Светлана Василенко.

Светлана Василенко. Писателем я хотела стать с самого детства.

Я родилась в Астраханской области, в сверхсекретном ракетном городе Капустин Яр. Он был окружен колючей проволокой, его название нельзя было никому говорить, на географической карте его не было. Имя свое он получил от близлежащего большого старинного села. Мой отец был офицером, мама работала инженером. В 1962 году, когда мне было 6 лет, случился Карибский кризис. Мог начаться атомный апокалипсис для всего человечества. Нас, детей, вывезли из города, чтобы спасти от ядерного удара американских ракет. Всю ту критическую ночь мы провели в холодной осенней степи, ожидая смерти. Наша воспитательница говорила нам, что мы все погибнем, но станем героями, как пионеры, ставшие героями во время войны: Володя Дубинин, Лёня Голиков и Валя Котик. Вот, наверное, именно там, в ожидании своей смерти и смерти всего человечества, я и стала писателем, хотя еще не умела писать. Но тот душевный и духовный переворот, который со мной произошел, я запомнила на всю жизнь и в своей прозе потом старалась передать, рассказать о нем.

Во втором классе, уже научившись читать и писать, я сочинила стихотворение. Я шла в школу — и вдруг передо мной ударил словно бы огненный столп, и тут же, вместе с ним, мгновенно пришло стихотворение. Этот мощнейший удар с неба я запомнила и всегда обхожу это место стороной. Естественней для меня было писать рассказы. С детства мама читала мне взрослые книги вслух. Книги она приносила из библиотеки. Помню хорошо, что мама читала мне, ребенку,

«Анну Каренину». Папа нас к тому моменту уже бросил, и мы, читая, обливались слезами: Анна Каренина была похожа на мою маму, а Вронский в офицерской шинели — на папу (главы про счастливую семейную жизнь Левина мама пропускала, и я с удивлением нашла их в романе уже в зрелом возрасте). Я завела себе тетрадку, в которой тоже начала писать роман. Причем с собственными иллюстрациями. Мои сочинения на свободную тему учителя оставляли себе, чтобы потом читать их ученикам в других классах. Рассказы я отсылала в детские радиопередачи, газеты и журналы.

Однажды по радио прочитали мой рассказ, где был указан город. Меня вызвали в горком комсомола и попросили больше про наш город ничего не писать и не указывать его название. Это секрет.

В десятом классе я написала стихотворение, причем верлибр, и поспорила с одноклассницей, что его напечатают в «Комсомольской правде», на странице старшеклассников «Алый парус». Там тогда работал легендарный журналист Юрий Шекочихин, а отделом поэзии ведал поэт-фронтовик Борис Слуцкий. Через две недели я проснулась знаменитой: мое стихотворение напечатали! Мне пришло десять тысяч писем, и поскольку я указала не город, а село Капустин Яр, то мне из села в город почтальонша, ругаясь, приносила эти письма мешками.

Эта публикация стала поворотным моментом. Я решила ехать в Москву и поступать на психологический факультет МГУ, чтобы изучить психологию человека и стать писателем. Как Достоевский. Это я все изложила на собеседовании в приемной комиссии психфака. И получила очень ценный совет: поступать в Литературный институт имени А.М. Горького, где и учат на «писателя». Дали адрес: «Тверской бульвар, 25». Сказали, здесь близко.

И я пошла. Во двор Литинститута я зайти не решилась, стояла у чугунной ограды и с восхищением смотрела на счастливых студентов Литинститута, куривших у памятника Герцену. От вышедшего из ворот института молодого человека узнала, что для поступления в Литинститут нужен трудовой стаж два года — и лучше, если проработаешь на заводе или фабрике. И я поехала в город Волжский Волгоградской области, поступила на работу на завод синтетического волокна. Потом работала на почте. Потом вышла замуж. Потом родила сына. И только после этого поступила в Литературный институт, на отделение прозы, — не только с трудовым стажем, но и с большим человеческим и жизненным опытом. Так это начиналось.

М.П. Вы учились в семинаре у Григория Бакланова, потом у Александра Проханова. Несколько моментов из того времени.

С.В. Время, проведенное в Литературном институте, — самое счастливое время моей жизни, а вторник, когда проходили наши творческие семинары, где мастера разбирали наши рассказы, — самый любимый день недели. В свой семинар в Литинституте меня отобрал Григорий Бакланов, известный писатель-фронтовик, представитель «лейтенантской прозы», автор таких книг о Великой Отечественной войне, как «Пядь земли», «Навеки девятнадцатилетние», «Июль 41 года». Высокий, с военной выправкой, строгий, язвительный, он учил нас правде — в сюжете, характерах героев, в деталях. Перед ним мы благоговели.

Однажды он привел себе в помощь молодого писателя из плеяды «сорокалетних» — Александра Проханова. Проханов был эмоциональным, страстно говорящим, его восхищало все технократическое и космическое. С его приходом семинары стали похожи на бурный поток. С ним можно было спорить. Бакланов считался тогда консерватором, а Проханов — новатором. В годы перестройки все перевернулось: Бакланов стал главным редактором демократического журнала «Знамя», а Проханов создал патриотическую газету «Завтра». Был еще третий руководитель семинара — Василий Субботин, писатель-

фронтовик. Он учил нас чистому письму, стилистике, пунктуации, всему такому словесному, чтобы текст был ясным и прозрачным. Всем мастерам я очень благодарна.

В Литинституте был также очень сильный профессорско-преподавательский состав: А.А. Тахо-Годи, М.П. Ерёмин, Е.Н. Лебедев, К.А. Кедров, В.В. Основин, С.Б. Джимбинов, И.И. Карабутенко, В.П. Смирнов, Ю.В. Томашевский... Они читали нам блестящие лекции по античной литературе, русской и зарубежной литературе, фольклору, стилистике, истории. Был еще любимый нами предмет «текущая литература», где мы разбирали произведения, только что появившиеся в «толстых» журналах: Валентина Распутина, Андрея Битова, Виктора Астафьева, Владимира Маканина, Юрия Трифонова, Юрия Казакова, Георгия Семёнова, Юрия Нагибина... Был спецкурс по киноискусству, который вел старейший и известнейший кинорежиссер Леонид Трауберг.

Мы учились не только у мастеров, но и друг у друга. Наш курс был курсом будущих классиков. На нем учились поэт и прозаик Михаил Попов, одно время учился с нами и король поэтов Александр Ерёмченко, поэты Юрий Кабанков, Илья Кутик, Умка (Анна Герасимова), Игорь Винов, Владимир Коробов, Людмила Абаева, Александр Логинов, Игорь Булматы, драматурги Нина Садур, Валентина Кизило, Лелдэ Стумбре (Латвия), Юрий Байгузин (Марий Эл), прозаики Валерия Нарбикова, Сергей Казначеев, Михаил Иманов, переводчики Томас Чепайтис, Ирэна Аляксайте... Было у кого учиться.

На четвертом курсе я написала рассказ «За сайгаками». Его я писала ночами на кухне, в общей тетради, старалась рассказать о себе все, что сама о себе знаю. Думала, что никто не поймет меня, но мне это было важно написать: о своем городе, о любви, о своей астраханской степи... К удивлению, мой рассказ на семинаре понравился. Я отнесла его в журнал «Литературная учеба», и его там напечатали. Критики назвали его лучшим рассказом года.

М.П. Журнал «Литературная учеба». Вы дебютировали в нем с блистательным рассказом «За сайгаками». Есть ли сейчас нужда в таком издании?

С.В. Журнал «Литературная учеба» придумал Максим Горький. А все, что придумал и создал Горький, все живо: Литературный институт, журнал «Литературная учеба», Союз писателей СССР, Литфонд с творческими мастерскими в Переделькине и литфондовской поликлинике, Институт мировой литературы, издательства «Советский писатель», «Детиздат», Книжная лавка писателей... Поскольку Горький мыслил системно: дети учатся на книгах — значит, нужен «Детиздат», затем дети вырастают и начинают писать сами — в помощь им Литературный институт и «Литературная учеба», потом становятся писателями — для их социальных нужд необходимы СП СССР и Литфонд, для издания книг писателей — издательства «Совпис» и опять же «Детиздат», а изучит их творчество Институт мировой литературы... Даже Книжная лавка писателей придумана на Первом съезде СП СССР, а значит, опять же Горьким. Чтобы можно было книги писателей реализовать. Круг замкнулся.

В этой системе журналу «Литературная учеба» Горький придавал большое значение. Он его создал, став главным редактором, и возглавлял его до самой смерти. Изначально журнал был такой своеобразной азбукой для начинающих литераторов из рабочих и крестьян. Журнал то выходил, то закрывался, то вновь открывался. В 1978 году его возглавил Александр Михайлов, известный литературный критик, литературовед, руководитель одного из легендарных семинаров поэзии Литинститута, он вел его вместе с Галиной Седых. Высокий дух Литературного института и литературной учебы он воссоздал в журнале. Печатали в основном студентов Литературного института и других творческих вузов. Разбирали произведения молодых писателей известнейшие критики, поэты, прозаики. В редакции журнала работали в разное время и Владислав Артёмов, и Михаил Попов, и Лариса Баранова-Гонченко, и Владимир Ерёмченко, Лола Зво-

нарёва и Сергей Чупринин... Журнал приобрел свой голос, ни на кого не похожий. Его полюбили читатели. Печататься в нем стало престижно. Думаю, что и сейчас такой журнал необходим пишущей и читающей молодежи как воздух.

М.П. Разделение Союзов. Вы стояли у истоков первого, еще перестроечного. Пару моментов из того времени. Как все начиналось, с чего?

С.В. С 1989 года я состояла в Союзе писателей СССР, поэтому все происходящее разворачивалось на моих глазах. Летом 1991 года демократически настроенные писатели из-за идеологических разногласий стали выходить из своих региональных организаций СП СССР и создавать новые организации. Так возникли СП Москвы, СП Санкт-Петербурга, Красноярская, Иркутская, Екатеринбургская, Калининградская организации. Все они существовали еще в рамках СП СССР. Потом, после августовского путча 1991 года, эти организации скоординировались и решили создать Союз российских писателей. Исторический съезд прошел в октябре 1991 года в конференц-зале СП СССР, что на улице Поварской, 52. Его основали Евгений Евтушенко, академик Дмитрий Лихачёв, Виктор Астафьев, Юрий Нагибин, Роман Солнцев, Фазиль Искандер, Кирилл Ковальджи и другие. На съезде был избран Координационный совет, сопредседатели и правление. Первым секретарем правления был избран уральский писатель Александр Иванченко. Я была избрана первым секретарем правления Союза российских писателей через пять лет, в 1996 году.

М.П. Я специально начал разговор с истории с Союзом писателей. Вы снова у истоков большой пертурбации. Как вам новый Союз? Как вам в нем?

С.В. С чем пришлось столкнуться всем союзам писателей? Когда писатели выходили из общего Союза и создавали новые, они не думали тогда о правопреемстве, о писательской собственности. Революции делают романтики, а потом приходят циники и забирают все, что плохо лежит. Так ушла знаменитая поликлиника Литфонда, так были уведены у писателей дома творчества, издательство «Советский писатель», несколько «толстых» журналов и остальное имущество Союза писателей СССР и Литфонда. Разделившись, писатели потеряли и правопреемство СП СССР, а вместе с ним и право на творческий стаж для пенсии и другие социальные блага. По сути, СПР и СРП вот уже 34-й год выживают. Было несколько попыток объединить СП России и СРП. Для того чтобы получить правопреемство. Мы вместе с В.Н. Ганичевым создавали общую ассоциацию, которую должен был возглавить Сергей Лыкошин, но после его смерти она оказалась нежизнеспособной.

Но мы не теряли надежды. В нашем Союзе российских писателей работает приемная комиссия, к нам приходят писатели, вступают, создают в регионах отделения и представительства СРП, мы проводим совещания и семинары молодых писателей во всех федеральных округах России, литературные фестивали, конкурсы, встречи, вечера, на гранты Министерства культуры и Минсвязи издаем книги, альманахи, сборники, помогаем больным писателям...

Пять лет назад была создана Ассоциация союзов писателей и издателей России (АСПИР), куда вошли все союзы, созданные в рамках СП СССР: СПР, СРП, СП Москвы, СП Санкт-Петербурга, — и примкнувший к ним Книжный союз. Возглавил ее молодой талантливый писатель, депутат Государственной думы Сергей Шаргунов. Ассоциация очень хорошо работала по всем направлениям: социальная комиссия помогала писателям-инвалидам, молодежная проводила совещания молодых писателей, издательская издавала переводные книги с языков народов России, проводились литературные вечера, резиденции, писатели участвовали в книжных ярмарках и ездили в командировки по стране.

Но теперь наступила пора вернуть всю собственность СП СССР. Для этого, по сути, создан новый союз со старым названием Союз писателей России, которому даны полномочия с этим вопросом разобраться.

В перечне поручений президента РФ Союз писателей России определен основной организацией, осуществляющей консолидацию сообществ писателей, драматургов и сценаристов.

Для этого писателям, состоящим в других союзах, предложено вступать в СПР. Но на общих основаниях, как бы впервые, как молодому писателю с двумя книжками. Так сказано в Уставе СПР. Но ситуация чрезвычайная, поэтому правление Союза российских писателей предложило руководству СПР проект упрощенного приема в СПР четырех тысяч членов тех союзов (СРП, СП Москвы, СП Санкт-Петербурга), которые были созданы в рамках СП СССР. В наших союзах приемной комиссией проводилась та же процедура приема, что и в СП СССР, и в СП России. Поэтому надеемся быть услышанными. Иначе огромное количество профессиональных писателей останется без государственной поддержки и помощи.

М.П. Я знаю тех, кто считает последний съезд рейдерским захватом, и знаю других, кто считает его концом литсвободы. Ваше мнение?

С.В. Рейдерским захватом это нельзя назвать, поскольку вся писательская собственность принадлежит Росимууществу, то есть государству. А уже оно дает Союзу писателей России по договору эту собственность в пользование. В пользовании у писателей и здание на Комсомольском проспекте, и здание на улице Поварской, и творческие мастерские в Переделкине. Росимуущество всегда может эту собственность забрать. Так же как оно сначала дало АСПИРу в пользование здание на Поварской, а потом забрало. Бог дал, Бог взял.

Конец литературной свободы тоже пока не наблюдаю. Никому не возбраняется писать.

Думаю, что руководство обновленного Союза писателей пытается воссоздать Союз писателей СССР с его собственностью, домами творчества, творческими мастерскими, издательствами, книжными магазинами, социальными гарантиями для писателей. То, что Горький, о котором мы говорили вначале, придумал и что работало как часы несколько десятков лет, вернуть. Попытка построить среди бушующего моря капитализма советский остров Союза писателей. Утопия ли это? Посмотрим.

М.П. Вы, наверное, много переводились на языки мира. Как вам эта позиция в жизни нового Союза?

С.В. Мои книги, рассказы, повести и романы переведены в Армении, Германии, Польше, Чехии, США, Индии, Китае, Японии, Италии, Исландии, Голландии, Франции, Узбекистане, Болгарии, Сербии. Все эти переводы осуществлялись в этих странах.

Но есть и другой путь — когда государство само заинтересовано в продвижении каких-то произведений или писателей и предлагает зарубежному издательству грант на перевод и издание этих произведений. Часто это происходит перед зарубежными книжными ярмарками. Знаю несколько российских организаций, которые так работают. Если этим будет заниматься Союз писателей России, то это можно только приветствовать. Но есть один нюанс. Когда твое произведение берется переводить и издавать зарубежное издательство, оно сначала просчитывает все риски: купят или нет эту книгу, окупит ли она себя? Так как перевести и издать книгу сейчас легко, а вот реализовать трудно. С этим может столкнуться Союз. Тут нужны опытные и грамотные люди.

М.П. Как вы относитесь к литрелокантам? Возможно ли их возвращение на родину?

С.В. Я отношусь к литрелокантам так же, как и к другим писателям. Литрелокантом был и Бунин, и Алексей Толстой, и Куприн, и Бродский. Кто-то из них вернулся, кто-то нет. Я вообще против того, чтобы писатели судили писателей.

Иначе вместе с собственностью Союза писателей СССР вернутся и проработки неугодного писателя на писательских собраниях.

М.П. Не следует ли нам что-то позаимствовать на Западе из издательской культуры? Например, институт лигагентов.

С.В. Знаю, что и в нашей стране есть литературные агентства. Например, Литагентство Натальи Рубановой. Успешно работает как литературный агент Ирина Горюнова. Горюнова открыла в свое время Сашу Николаенко и помогла ей издать книгу, которая потом получила «Русского Букера». Кстати, и Горюнова, и Рубанова сами являются прекрасными писателями. Но я пока не вижу перспектив у лигагентств: работа эта довольно тяжелая — походи-ка по редакциям, — а оплата труда лигагента обычно определяется в процентах от гонорара писателя. Гонорары же у писателей минимальные. Значит, агент получает минимум от минимального. То есть копейки. Если повысятся гонорары у писателей, то тогда можно будет говорить серьезно и об институте лигагентов.

М.П. Что вы скажете о таком пугале, как искусственный интеллект?

С.В. Угроза эта реальна. Я по роду своей работы в Союзе писателей много читаю рукописей неизвестных мне писателей. Молодых и не очень. И с некоторых пор стала замечать, что попадаются такие ровные тексты — именно тексты, — очень грамотные, ни одной ошибки. Читаешь, и тебе вроде бы нравится, но когда прочитаешь, тут же забываешь, о чем это. Видимо, написан этот текст искусственным интеллектом. Но ИИ быстро развивается. И сегодня он бесчувственный, а завтра научится любить и страдать и напишет об этом. И сможем ли мы отличить это произведение от других? Не уверена.

А если он вдруг напишет гениальный роман (а это вполне возможно, ведь ИИ придумал человеческий интеллект, он вложил в машину свою душу), то не будет ли нам все равно, написал этот гениальный роман писатель Вася Пупкин или чистый, непорочный разум?

Но думаю, что до этого еще далеко. ИИ сейчас будут применять там, где это выгодно, в том, что хорошо продается: фэнтези, фантастика, детективы, то есть в жанровых видах литературы. Вот там он может просто завалить уже сегодня своими текстами книжный рынок, потому что ИИ работает быстро, не спит, не ест, не пьет и не курит.

М.П. Как вам литературная молодежь? Она глупее нас или талантливее?

С.В. Мне очень нравится работать с молодежью. Люблю ездить на семинары и совещания молодых писателей, вести там семинары прозы. В Союзе российских писателей мы проводим много совещаний молодых писателей, одно из них, самое масштабное, «Мы выросли в России», проводится во всех федеральных округах. Очень много талантливых произведений, много молодых талантливых прозаиков. Но вот что я заметила. Они ездят с одного совещания на другое, часто с одним и тем же рассказом, собирая мнения руководителей семинаров, не пытаясь печататься. Им интересно просто тусоваться, быть в обойме. Результат не важен. Я их учу: мыслите книгами, издавайте книги, книги — это и есть ваш рост как писателей. Так, как от других остаются дома, картины, музыка, а от нас, писателей, остаются книги, только книги...